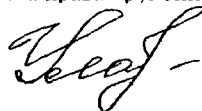

На правах рукописи

УЛАНОВА ОЛЬГА ИВАНОВНА

ТАРХАНСКИЙ ХРОНОТОП МИХАИЛА ЛЕРМОНТОВА

Специальность 24.00.01 – теория и история культуры

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата культурологии

Саранск
2005

**Работа выполнена на кафедре культурологии ГОУВПО
«Мордовский государственный университет имени Н.П. Огарева»**

Научный руководитель – доктор философских наук
профессор
Наталья Ивановна Воронина

Официальные оппоненты – доктор философских наук
профессор
Андрей Александрович Гагаев

кандидат философских наук
доцент
Борис Андреевич Фролов

Ведущая организация – **Саратовский государственный
политехнический университет**

Защита состоится « 22 » июня 2005 г. в « 14 » часов на заседании диссертационного совета Д 212.117.10 по защите диссертаций на соискание ученой степени доктора культурологии и искусствоведения при Мордовском государственном университете им. Н.П. Огарева по адресу: 430000, Республика Мордовия, г. Саранск, пр. Ленина, 15, ауд. 301.

С диссертацией можно ознакомиться в Научной библиотеке им. М.М. Бахтина Мордовского государственного университета им. Н.П. Огарева.

Автореферат разослан « 18 » мая 2005 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
доктор философских наук
профессор

М.В. Логинова

2006-4
6827

2147603

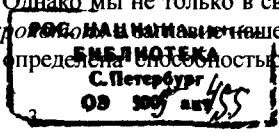
ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

АКТУАЛЬНОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ. Во второй половине истекшего столетия культурология как самостоятельная дисциплина осознала специфику своего предмета и метода, как, впрочем, и свою неразрывную связь с генетически первичными дисциплинами: философией, философией культуры, культурной антропологией и др. В культурологии актуализировался и момент эвристико-эпистемологического интереса к таким культурным феноменам, которые выступают в виде целостного, системно организованного статуса. Они концентрируют в себе некий культурный микрокосм, включенный, в свою очередь, в широкий исторический и социальный контекст. К феноменам такого рода относятся, в частности, памятники культуры в их раритетном, мемориальном и исторически-ценностном значении. Однако большинство таких «вещных» культурологических сигнификаций статичны и именно в ней они и сохраняют свою значимость (старинные книги, античные статуи, шедевры живописи и т.п.). Совсем иное дело – современный музей, решающий трудную и несколько парадоксальную задачу экспликации прошлого современными средствами. Для России XXI века, имеющей сложное историческое прошлое и не менее сложное настоящее, проблема осмысления культурного наследия, его сохранения и усвоения составляет жизненно важную задачу. Это обуславливается прежде всего тем, что страна, стремящаяся встать в ряд передовых в экономическом и культурном отношении, должна решить проблему культурной самоидентификации. Другой важной задачей является практический синтез общего и особенного, национального и интернационального в культуре.

Для многонационального государства, каковым всегда была Россия, приоритет культурных феноменов общенационального масштаба весьма важен, тем более, если данный феномен по своей культурной ценности выходит далеко за пределы локальных и региональных рамок и претендует на мировое значение (творчество А.С. Пушкина и М.Ю. Лермонтова, М.И. Цветаевой и С.Д. Эрьзи и др.).

Большое значение имеют литературно-мемориальные музеи как культурно-творческие центры. В этом отношении музей-заповедник «Тарханы», расположенный в 100 км. от г. Пензы, представляет собой уникальное, а в некоторых чертах и типичное научно-просветительское учреждение нового образца. Оно способно не только экспонировать, представлять ушедший в прошлое хронотоп, но и динамично развиваться, трансформируя в позитивном плане окружающую материальную и ментальную среду. Музей-заповедник оказывает неоценимую помощь в деле общегосударственного значения: сохранение связи времен, использование огромного культурного потенциала России для наведения мостов между прошлым и будущим через динамично развивающееся настоящее.

В Тарханах прошла половина короткой жизни гениального поэта, и одно только это придает данному уголку Отечества высочайший культурно-исторический и литературный статус. Однако мы не только в связи с лермонтовской персонологией выносим слово «*персона*» из названия нашей работы. Дело в том, что актуальность темы во многом определена способностью музея не только

сохранять, экспонировать, мемориализировать, то есть не только выполнять чисто музейные функции, но и органично функционировать как часть новой жизни новой России: музей-заповедник сумел доказать практически свою роль современного культурного центра, к которому стягиваются нити провинциальной, столичной и мировой культуры. Что же определило столь необычное бытование музея-заповедника «Тарханы» в его полифункциональности и культурной интра- и экстраполяции? Эта проблема и легла в основу данного исследования, заостряя и специализируя его актуальность.

СТЕПЕНЬ РАЗРАБОТАННОСТИ ПРОБЛЕМЫ. Русская усадебная культура является составляющей частью общекультурного процесса в России. В этой связи уместно назвать наиболее значимые для решения поставленных в диссертации вопросов работы, в которых рассматриваются общие тенденции развития русской дворянской культуры XVIII-XX веков. Это труды мыслителей XIX в. Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, а также современных ученых – Д.С. Лихачева, Ю.М. Лотмана, и таких исследователей регионального уровня, как Е.А. Анистратенко, Ю.А. Борисова, Н.М. Инюшкин, Т.М. Мельникова, П.А. Фролов и др.

Изучение реалий русской усадьбы было впервые заявлено в журнальных изданиях для любителей старины и искусства – «Мир искусства» (1899-1904), «Старые годы» (1907-1917), «Столица и усадьба» (1912-1916) и др. Были сделаны первые попытки определения художественной ценности усадьбы, ее архитектурных ансамблей, жилых интерьеров, а также разнообразных коллекций изобразительного и прикладного искусства в работах А.Н. Бенуа, П.П. Вейнера, Н.Н. Врангеля, и других искусствоведов, занимавшихся исследованием усадебной культуры на рубеже XIX-XX веков. Это начинание было поддержано Обществом изучения русской усадьбы (ОИРУ) (1923-1928). Его члены создали новую науку – **усадьбоведение**, разработали основные принципы изучения русской усадьбы, популяризировали усадебную культуру во всех ее проявлениях – историческом, художественно-архитектурном, садово-парковом, ландшафтном, бытовом, просветительском, социальном и т.п. Они заложили научные основы комплексного исследования всех видов усадеб. Репрессии 1930-х гг. не дали, к сожалению, возможности развернуть деятельность Общества в полном объеме.

В 1992 г. Общество было возрождено, объединив вокруг себя творческие силы из разных областей культуры и науки. Важную роль сыграл академик Д.С. Лихачев (1906-1999), «благословивший» в Российском фонде культуры программу «Возрождение Русской усадьбы». За прошедшие годы ОИРУ сформировало исследовательскую проблематику. Этому способствовали конференции по темам истории усадьбы, ее современных проблем, культуры усадьбы, столицы и усадьбы и др.

В 1970-80-е годы появляется ряд работ, принадлежавших А.П. Вергунову, Н.И. Ворониной, Т.П. Каждан, Г.Ю. Стернину, В.С. Турчину, а также несколько статей О.С. Евангуловой, Л.В. Ивановой и др., представляющих усадьбу средоточием сложных социокультурных явлений, с явно выраженным личностным началом. Большой вклад в изучение усадебной пространственно-бытовой среды как выражения психологии и настроений владельца внесли: В.Ю. Афиани, И.А. Бартенев, В.Н. Батажков, О.С. Евангулова, Е.И. Кириченко, Ю.М. Лотман.

Значительный вклад в формирование нового подхода к изучению усадебной культуры, рассматриваемой в более полном объеме различных ее составляющих, сделан Д.С. Лихачевым, который проанализировал «большие стили» в садово-парковой («зеленой») архитектуре. Для него изучение даже одной стороны усадебной культуры садово-паркового искусства неотделимо от общих процессов развития художественной культуры и усадебного быта.

Садово-парковая часть ансамбля провинциальной усадьбы выделяется в особую сферу изучения А.П. Вергуновым и В.А. Гороховым. Усадебный мир с охватом всех формирующих его элементов описан в сборниках Г.Ю. Стернина. Особенности архитектурно-паркового ансамбля рассматриваются у Т.П. Каждан. Американская исследовательница П. Рузвельт, изучив мемуарные источники и русскую художественную литературу, рассмотрела взаимодействие в усадебной культуре различных видов искусства и социально-бытовых факторов, а также обратила внимание на роль усадебной культуры в процессе формирования мировоззрения русской интеллигенции.

Историки-краеведы (Г.Н. Белорыбкин, Г.Е. Горланов, В.В. Гошуляк, В.И. Лебедев, Х.Н. Нарцов, А.А. Хвощев), занимавшиеся изучением истории культуры Пензенского края, в своих работах детализируют краевую фактографию и фактологию, которая учитывалась нами в данном исследовании.

Пензенским усадьбам посвятили ряд своих работ современные исследователи-краеведы: Е.Ю. Анистратенко, Г.Е. Горланов, Е.Я. Дмитрук, И. Ежова, П.А. Фролов и др. На страницах журналов «Земство», «Пензенский временник любителей старины», «Сура», «Волга», «Краеведение» и некоторых газет опубликованы работы Т.Н. Кольян, Л.В. Рассказовой, А.В. Тюстина и многих других, так или иначе соприкасающихся с нашей темой.

Среди усадеб Пензенского края особое место принадлежит музею-заповеднику «Тарханы», с которым связано имя великого русского поэта М.Ю. Лермонтова. Значение Тархан в жизни и творчестве Лермонтова впервые многосторонне исследовал автор первой научной биографии поэта П.А. Висковатый (посещал Тарханы в 1880-1881). Материалы о связях Лермонтова с Пензенским краем собирали и описывали в конце XIX – начале XX веков И.Н. Захарьин-Якунин, В.Х. Хохряков, П.К. Шугаев.

После открытия дома-музея в 1939 году исследованием проблемы занимались С.А. Андреев-Кривич, И.Л. Андроников, В.П. Арзамасцев, П.А. Вырыпаев, В.А. Мануйлов. Позже эти исследования продолжили Г.Е. Горланов, Г.В. Еремин, Л.Г. Еремина, Н.М. Инюшкин, П.Ф. Максяшев, Л.В. Рассказова, О.М. Савин, А.Д. Семченко, А.В. Тюстин, П.А. Фролов, И.П. Щерблякин и др.

В 1970-е годы под руководством В.А. Агальцовой была изучена проблема садово-парковой архитектуры усадьбы.

Научные сотрудники музея-заповедника «Тарханы» Т.Н. Кольян, Н.И. Куртина, Е.Н. Столярова, П.А. Фролов, В.П. Ульянова и др. во главе с директором музея Т.М. Мельниковой занимаются научно-исследовательской работой, ими накоплен значительный историко-литературный и музееведческий материал. И не секрет, что спустя полтора века после гибели поэта, сегодня находятся уникальные документы, появляются новые сведения, заполняющие «белые пятна» в Лер-

монтоведении. Благодаря появлению в 1993 году «Тарханского вестника», широкой публике стали известны факты, отражающие особую атмосферу тарханского периода жизни Лермонтова

Однако ни в одной из работ Тарханы не рассматриваются как целостный культурный феномен во всем богатстве и сложности его семиотической и раритетно-мемориальной сторон, как специфический хронотоп со свойственным ему динамичными или динамично-равновесными признаками исторического «топоса», актуально эксплицируемого современными средствами в новом культурном контексте. Исключением здесь может считаться монография Н.М. Инюшкина, в которой названы некоторые особенности типологии современного музейного комплекса в Тарханах.

Теоретическое и методологическое основание данной работы составили положения отечественной культурологической традиции, представленные в трудах М.М. Бахтина, Н.И. Ворониной, Ю.М. Лотмана, В.А. Подороги, Б.А. Успенского и др.

Отдельный ряд исследований составляют музееведческие работы видных лермонтоведов, воссоздающие страницы истории Тархан, связанные с жизнью и творчеством М.Ю. Лермонтова (В. Арзамасцев, П.А. Вырыпаев, Т.Н. Коляян, В. Корнилов, Н.И. Куртина, Т.М. Мельникова, Л.В. Полукарова, Н.К. Потапова, Е.Н. Столярова, А.В. Тюстин, А.Е. Ульянов, В.П. Ульянова, П.А. Фролов и др.). Представленный в этих работах материал по истории Тархан и его владельцев особо ценен для построения документальной основы историко-культурных изысканий автора данной работы.

ОБЪЕКТ диссертационного исследования является историко-культурный контекст Тархан, его становление и развитие как усадьбы поэта.

ПРЕДМЕТ – тарханский хронотоп М.Ю. Лермонтова.

ЦЕЛЬ диссертационной работы является рассмотрение темпоральных и пространственных характеристик тарханского хронотопа; выявление особенностей каждого исторического этапа его бытия; экспликация новой, органически обретенной специфики современных Тархан как сложного комплексного образования культуротворческого плана.

Способами достижения цели выступают **ЗАДАЧИ**, решаемые в работе:

1. Выявление специфических признаков тарханского хронотопа, установление его исторических границ и качественных различий, продиктованных изменяющейся социальной и исторической средой локального, регионального и общенационального масштаба. Разграничение топологических и ментальных (сословных, классовых и т.п.) признаков села и усадьбы, эксплицирование их диалектического взаимодействия-противостояния.

2. Показ в целостном виде сложного и противоречивого процесса становления музея-заповедника как феномена культуры.

3. Выявление уникальности Тархан с точки зрения пересечения хронотопических линий культур провинциального (сельского) и городского (столичного) типа.

4. Исследование современного статуса музея посредством анализа его полифункциональности, открывающей новые сферы роста и расширения его хронотопического объема.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ФУНДАМЕНТ ИССЛЕДОВАНИЯ включает в себя:

- *исторический и сравнительно исторический метод*, который применяется как наиболее адекватный для характеристики хронологической динамики объекта и предмета исследования;
- *феноменологический метод*, как процесс выработки объективно-значимых определений;
- *рационально-сциентистский метод*, реализующийся путем четкой дифференциации субъект-объектных позиций и отношений;
- *семиотический метод*, позволяющий рассмотреть знаковый характер перекодирования, трансляции и трансформации объектов культуры;
- *структурно-системный подход*, позволяющий выявить системообразующие и производные, «элементарные» сегменты феномена Тархан;
- *аксиологический подход*, базирующийся на осмыслении исторической, эстетической, нравственной и общекультурной ценности музея-заповедника;
- для дескрипции феномена применена *схема* немецкого философа и культуролога Й. Розенштока-Хюсси («крест реальности»), отражающая хронологические и диалогические (полилогические) параметры «Тархан».

КРУГ ИСТОЧНИКОВ ВКЛЮЧАЕТ В СЕБЯ:

1. Теоретические работы общепhilософского и культурологического характера; работы искусствоведческого плана; лермонтоведческие работы; сборники документов и законов.

2. Краеведческие разыскания, отраженные в различных изданиях, в том числе и в периодике; собрание сочинений М.Ю. Лермонтова; архивные исследования; мемуарная литература, в основном, воспоминания современников Лермонтова и других лиц, бывших свидетелями разных сторон жизни Тархан в различные периоды истории.

3. Музейные фонды и экспозиции; музееведческая литература; иконографический материал: портреты, рисунки, фотографии, альбомы; ландшафтный экстерьер.

4. Этнографические работы; авторские наблюдения в с. Тарханы (местный фольклор: песни, обычаи, обряды и т.п.); интервью и беседы с селянами и сотрудниками музея.

5. Местная периодическая печать; важнейшими источниками являются периодические научные сборники: «Тарханский вестник», «Лермонтовский выпуск».

6. Аудиовизуальный материал (видео и телефильмы).

Указанные группы источников обеспечивают комплексный подход к изучаемому хронотопу, позволяют произвести исторический и сравнительный анализ представленного материала.

НАУЧНАЯ НОВИЗНА ДИССЕРТАЦИИ состоит в следующем:

1. Впервые дана характеристика данного объекта исследования как хронотопа, и выявлены его специфические признаки.

2. Выявлен субъект-объектный уровень культурного феномена Тархан; был применен холистический подход, позволивший представить музей-заповедник «Тарханы» как целостный культурологический феномен.

3. Прослежена дифференциация конструктивно-деструктивных линий развития музея-заповедника.

В связи с новизной и авторским видением проблемы определяются

ПОЛОЖЕНИЯ, ВЫНОСИМЫЕ НА ЗАЩИТУ:

1. Культурно-семиотическое понятие *хронотопа* релевантно историко-культурной и актуальной культурологической дескрипции феномена Тархан, парадоксальность бытования которого в качестве дворянской усадьбы и культурного гнезда предзадана изолированностью двух семиосфер – дворянской и крестьянской. *Тарханский хронотоп* имеет специфические и типологические признаки. Установлены его исторические границы и различия, продиктованные изменяющейся социальной и исторической средой локального, регионального и общенационального масштаба; рассмотрены разграничения различных признаков (топологических, ментальных) села и усадьбы, которые позволили раскрыть их взаимодействие – противостояние, повлиявшее на становление личности и поэтического космоса М.Ю. Лермонтова.

2. *Музей-заповедник «Тарханы»* как культурологический феномен, уникальное явление культуры, в целостном виде представляет сложный и противоречивый процесс становления и развития: арсеньевский облик Тархан, внешнее и внутреннее пространство усадьбы, крестьянская жизнь села, новые функции музея и т.д.

3. *Пересечение хронотопических линий культур столичного и провинциального типа* дало возможность выявить уникальность Тархан: особый уклад жизни, песенные и обрядовые традиции, развитие местных ремесел, бытование современных народных праздников.

4. *Тарханы в настоящем* – это сложная система и новая хронотопическая ипостась исторического «прафеномена», по отношению к которому вся семиосфера меняется во времени в своих сигнификатах, движущихся вокруг оси, в качестве которой выступает интерпретационная, динамически-равновесная характеристика личности и творческого наследия М.Ю. Лермонтова. Рассмотрение современного статуса музея-заповедника позволяет показать его полифункциональность, которая открывает новые сферы роста и расширения его хронотопического объема: природа, пруды, культурный ландшафт, храмы, памятники, цветоводство, пчеловодство, коневодство. Практическим подтверждением влияния информационного поля на современную жизнь музея-заповедника является создание спорадических и постоянных рубрик масс-медиа («Тарханский вестник», «Лермонтовский выпуск», компакт-диски, аудио-видео продукция, альбомы, туристические схемы и др.), посвященных жизни и творчеству поэта, а так же непосредственно Тарханам.

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ ЗНАЧИМОСТЬ ИССЛЕДОВАНИЯ обусловливается характером его материала и имеет междисциплинарные сферы применения. Диссертация может быть полезной при чтении курсов лекций по культурологии, философским проблемам культуры, истории и теории культуры, поскольку в ней затрагиваются фундаментальные теоретические понятия хронотопа, семиосферы и т.п. Ее положения имеют практический выход в краеведение, на его историко-культурные и литературные аспекты, изучаемые в вузах и средних школах.

Кроме того, материалы исследования могут использоваться литературоведами и лермонтоведами, а также работниками литературных музеев.

АПРОБАЦИЯ РАБОТЫ. Основные теоретические положения и выводы диссертации излагались автором в публикациях и докладах на Межвузовских научно-методических конференциях (2003, 2004), на Международной научно-практической конференции «XXI век: Россия и Запад в поисках духовности» (Пенза-Москва, 2003), на Всероссийской научно-практической конференции «Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия» (Пенза, 2004), в межвузовских сборниках научных трудов (Саранск, 2003, 2004), в ежегоднике кафедры культурологии «Феникс» (Саранск, 2003).

Поэтапные итоги исследования докладывались на заседаниях кафедры культурологии. Материал исследования нашел свое отражение также в чтении курсов лекций по общественным дисциплинам и в практике воспитательной работы со студентами I-II курсов.

СТРУКТУРА ДИССЕРТАЦИИ. Исследование состоит из введения, двух глав, пяти параграфов, заключения, библиографии. Содержание работы изложено на 184 страницах. Библиографический список включает 398 наименований.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во введении обосновывается выбор темы, ее научно-практическая новизна и практическая значимость, определяется степень изученности проблемы, цели, задачи исследования, обозначается предмет и объект исследования, указываются методологические и теоретические основы, его научно-практическая значимость, раскрывается структура работы.

Первая глава «Становление личности и поэтического космоса М.Ю. Лермонтова в историко-культурном контексте Тархан» состоит из трех параграфов.

В первом параграфе «Теоретические аспекты пространства как культурной единицы» диссертант обосновывает пространственную и временную взаимосвязь, единство, которое проявляется в движении и развитии материи. Философские, теоретические представления о пространстве и времени начали функционировать еще в античной культуре, но не в том виде, как это известно в современной науке. М.М. Бахтин, подчеркивая в своей концепции неразрывность связи пространственных и временных отношений, обозначает их термином «хронотоп», т.е. «*время-пространство*»

Автор работы считает пространственную организацию универсальным средством построения любых концептуальных моделей, и рассматривает пространство культуры с позиции семиотики. Ю.М. Лотман утверждал, что *семиотическое пространство культуры (семиосфера)* характеризуется внутренней неоднородностью и многообразием, которые структурируются посредством ядра, *периферии, границы*. В качестве ядра рассматриваются ряды (стили, парадигмы), выделенные Ю.С. Степановым: «эволюционный семиотический ряд», «синхронный семиотический ряд», «ментальные изоглоссы в культуре», которые констатируют трехмерное пространство культуры. *Периферия* культурного пространства

менее организована и обладает «скользящими» конструкциями. Если в «ядерных» структурах проявляется картина семиотической унификации, то в периферии – разнообразие тенденций.

Наиболее «горячими» точками семиобразовательных процессов являются *границы семиосферы*, о значимости которых М.М. Бахтин писал следующее: «Каждый культурный акт существенно живет на границах: в этом его серьезность и значительность. Отвлеченный от границ, он теряет почву, становится пустым, заносчивым, вырождается и умирает»². Именно здесь происходит одновременно сбор, перевод и «сортировка» явлений культуры. Однако условием работы семиосферы является как внутренняя организация, так и наличие внешнего *иносемиотического пространства*, которое конструирует сама семиосфера (Ю.М. Лотман). Автор рассматривает в виде внешнего пространства семиосферы *социальное пространство*, по отношению к которому иносемиотическим выступает, в свою очередь, *пространство Природы* (Л.Н. Коган).

Семиотическое пространство культуры Ю.М. Лотман называл семиосферой по аналогии с «биосферой» (В.И. Вернадский). Имманентно присущими свойствами семиотического пространства культуры являются *информативность* и *смыслопорождаемость*, определяемые на основе теорий информации (Г.А. Голицын) и «социальной наследственности» (М.К. Петров), «функций интеллекта» (Ю.М. Лотман). Таким образом, семиотическое пространство культуры отвечает функциям сознания, способствует передаче, созданию, хранению и воспроизведению информации. П.А. Флоренский в своей работе «Обратная перспектива» показывает, что в самом понятии пространства различаются три далеко не тождественные между собой слоя: пространство абстрактное или неметрическое, физическое и физиологическое.

Диссертант показывает, что в современной научной литературе *проблемы пространства и культуры* рассматриваются в контексте изучения природного и культурного наследия – *ландшафта*. Так, В.Ю. Афиани отмечает, что культурное пространство России близко понятию культурного ландшафта, в него включается окультуренная территория, материальные и культурные комплексы. Проблему культурного ландшафта исследовал и ряд других ученых (Ю.А. Веденин, В.Л. Каганский и др.). В.А. Подорога в «Метафизике ландшафта» выделяет разложение философского произведения на ряды гетерогенных элементов: *визуальный, вербальный, телесный и ряд философского письма*. В.Ю. Афиани замечает, что культурному пространству «свойственна изменчивость» как в историческом плане, так и во времени.

Автор, опираясь на приведенные выше источники и интерпретации пространства как единицы культуры, попытался сконструировать собственную модель тарханского «микрокосма» именно в плане его культурно-пространственных определений. Первый результат сводится к общефилософским и культурологическим теоретическим основам категории пространства, экстраполированным на частный (в нашем случае) момент, феноменологически он обозначен как «Тархань».

² Бахтин М.М. Проблема содержания материала и формы в словесном художественном творчестве // Бахтин М.М. Литературно-критические статьи. М. Худож. лит.-ра, 1986. С. 43.

Проблема демаркации города и села, провинции и столицы ставится в работах И.Л. Беленького, Ю.А. Веденина, В.Л. Каганского. И тот и другой тип пространства можно и нужно интерпретировать через понятие «хронотоп», поскольку в нем аналогично физическому континууму пространства-времени задается культурное значение двух континуально неразмыкаемых характеристик единой культурной сферы, в нашем случае – культурного «гнезда» Тархан. Н.М. Инюшкин отмечает, что «... именно здесь и именно в этой сфере выявляются весьма интересные и важные характеристики, порождаемые уникальностью... будучи особо ценным объектом национального культурного наследия, исторически вписан в провинциальное российское пространство. Именно эта ситуация таит в себе требующее осознанного освоения возможности, конструктивно соединяющие национальную значимость Имени и Места с их особой ролью в провинциальной социокультурной сфере».³

Таким образом, *тарханский хронотоп* можно рассматривать как семиосферу, где оказались совмещенными составляющие дворянской и крестьянской культур, создав уникальный природно-нравственный космос. Дистанцированность и разрыв субъектов народной и дворянской культур, несовпадение знаков – вот основные характеристики *семиотической модели тарханского культурного пространства*.

Во втором параграфе «Пространство тарханской усадьбы как феномен русской культуры XVII – первой трети XIX вв.» автор рассматривает единство культурного мира усадьбы через организацию усадебного комплекса; наличие общего и особенного в пространстве тарханской усадьбы, что позволяет, с одной стороны, трактовать феномен Тархан как «разновидность» дворянских гнезд, а, с другой – индивидуализировать пространственно-культурный облик усадьбы.

Хронологическая экспликация Тархан, задает нашему исследованию исторические параметры становления данного «локуса» или их прафеноменальную предисторию. Это выявляется через изучение вопроса о колонизации Пензенского края и тарханских земель (Г.Н. Белорыбкин, Г.Ф. Винокуров, Г.Е. Горланов, В.В. Гошуляк, В.И. Лебедев, А.А. Хвошев). Исследователи отмечают, что колонизация Пензенского края состояла из двух этапов. Внутри первого выделяют три вида: правительственную, вольную и помещичью (или дворянскую). Второй был связан с политикой Петра I в Причерноморье и строительством флота в Воронеже. В контексте вышесказанного следует, что колонизация в XVIII веке имела две главные черты: дворянскую (помещичью) и массовую. Рассматривая проблему колонизации Пензенского края в целом, диссертант выделяет этапы возникновения и развития Тархан, опираясь на принципы классификации известных лермонтоведов, историков-краеведов (А.Д. Семченко, П.А. Фролов, А.Е. Ульянов), которые указывают на *два хронологических этапа в истории возникновения и начального развития Тархан*: 1. Освоение будущих тарханских земель, относящиеся к дворянскому способу колонизации (1701 г.). 2. Непосредственное зарождение села и его развитие на протяжении первой половины XVIII века. Автор отмечает, что

³ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: природа, типология, феномены. Саранск, 2003. С. 399-400.

вплоть до 1730 г. тарханские земли оставались *неосвоенными*.

Диссертант использует и лично-деятельностный аспект, показывая, как во времени, под влиянием разных владельцев Тархан (Долгоруковы, Нарышкины: 1730-1794 гг.) происходило формирование их внешнего и внутреннего облика. При всей скудости данных «долермонтовского» периода, вырисовывается четкая индивидуальная история становления усадьбы, которую автор прослеживает детально, опираясь на данные истории, археологии, воспоминания современников, а также наличие исторических следов в современном состоянии Тархан.

С 1794 г. владельцами имения становятся Елизавета Алексеевна и Михаил Васильевич Арсеньевы, будущие бабушка и дедушка М.Ю. Лермонтова, и с этого времени начинается *Лермонтовский период истории Тархан*.

Диссертант раскрывает общие черты семьи Е.А. Арсеньевой и их влияние на становление усадьбы.

Арсеньевская усадьба представляла собой *единое пространство*, в котором объединялись господский дом, хозяйственные постройки, службы, церкви, парк, фруктовые сады с целью создания организационно-единого комплекса. Е.А. Арсеньева «с помощью» крепостных крестьян создавала свой «*неповторимый, обособленный мир*» с учетом личных конкретных желаний и материальных возможностей. Возможно, Арсеньевы, обустроявая пространство своей усадьбы, стремились оставить во времени «свой след», воздвигая, таким образом, памятник самим себе.

Рассматривая две главные составляющие арсеньевской усадьбы – *внешнюю и внутреннюю организацию пространства*, автор приходит к следующим выводам.

1. Е.А. Арсеньева исходила из определенных идейно-эстетических установок своего времени, соотнося повседневность с идеалами такого образца жизни, который был сосредоточен в помещичьей усадьбе.

2. *Садово-парковая композиция Тархан* отражает неразрывную связь человека с природой, которая помогает ему обрести внутреннее спокойствие и равновесие, а также порождает настроение свободы и независимости.

3. Важная особенность русского усадебного сада-парка заключается в том, что здесь как бы отсутствует конфликт между творением владельца и Богом, который установил законы природы.

4. В садово-парковой композиции Тархан *арсеньевско-лермонтовского периода* происходило усиление индивидуальных черт, признаков и качеств, которые легли в фундамент именно культурологической характеристики хронотопла, соединенные с ментальными параметрами феномена Тархан. Этот процесс не был спорадическим, а представлял собой органическое единство, скорее всего синкретического типа, поскольку духовное и материальное в облике Тархан рассматриваемого периода тесно взаимосвязаны. Структурно внешний ряд садово-парковой композиции усадьбы не представляет резкого диссонанса с жизнью села. Несмотря на наличие визуальной и невидимой, в частности, социальной демаркации между селом и усадьбой, их связывали в единое целое условия народной жизни, национальное сознание и самосознание, а также патриархальный тип отношений между помещиком и крестьянами.

Усадьба формировалась на основе эстетических идеалов и символов классицизма и сентиментализма. В дворянской среде возникало представление о независимой *«естественной»* жизни на природе, которая противопоставлялась жизни в городе.

5. Организация интерьера барского дома отличается направленностью на столичный образ светской жизни. И если многие помещики, особенно мелкой руки, чаще всего подчинялись влиянию окружающей среды, сельскому быту и в этом смысле их поместное существование отличалось примитивностью, то в Тарханах явно было стремление «культуртрегерского» типа (М.М. Сперанский, братья Арсеньевы и другие представители высокой аристократической культуры).

6. *Внутреннее пространство* тарханской усадьбы организовалось по принципу подобия. Каждый предмет внутреннего убранства не только оказывал влияние на быт и культуру усадьбы, но являлся отражением образа жизни ее владельцев.

В третьем параграфе «Отражение крестьянского мира в жизни и творчестве М.Ю. Лермонтова» автор акцентирует внимание на то, что невозможно полно представить истоки лермонтовского творчества вне реконструкции и анализа мифопоэтических образов народного творчества, в частности, тарханских крестьян.

В аспекте исторического становления хронотопа «живая» связь с селом эксплицирует себя не только в реалиях «сосуществования» двух культур (дворянской и крестьянской), но и в феномене *их взаимозависимости и взаимообусловленности*. Это, в свою очередь, нашло отражение и воплощение в художественном мире Лермонтова, чертах его характера, его ментальной принадлежности к такому социальному измерению, каковым является категория *«русский национальный характер»*.

Свои феноменологические наблюдения диссертант излагает в интерпретации «феномена» Тархан по следующим линиям: жизнь и быт тарханских крестьян; Е.А. Арсеньева и ее отношение к крестьянам; взаимоотношения М.Ю. Лермонтова и крестьян; влияние тарханского фольклора на формирование личности и творчества Лермонтова. В связи с этим, впервые в систематическом виде в научный оборот вводится целостная сфера, составляющая мир тарханских крестьян, а также рассматривается трагедия отношений крепостных и хозяев (*крестьянин для Арсеньевой не был личностью, а только средством получения прибыли*).

Автор утверждает, что народная культура уже с первых лет жизни будущего поэта стала той питательной средой, которая формировала мировосприятие Лермонтова-ребенка и определяла в дальнейшем его непосредственный и уникальный демократизм: способность не только рационально понимать или осознать, но и душевно переживать и чувствовать повседневные заботы и трагическое положение русского народа. Чрезвычайно раннее появление темы «вольности» могло быть навеяно осознанием чудовищно несправедливого крепостного неравенства.

Тарханский фольклор, с одной стороны, перекликается с аналогами других мест Пензенского края (да и других областей), а с другой – несет в себе нечто

своеобразное, переосмысленное в пространстве местных условий жизни.

Таким образом, автор представляет становление феномена Тархан в плане двух взаимно пересекающихся культурно-индивидуальных миров на фоне общероссийской культуры того времени: мира дворянской части усадьбы и мира крестьян – дворовых и жителей самого села.

Вторая глава «Новое лицо Тархан: от музея-усадьбы к музею-заповеднику» содержит два параграфа.

Первый параграф – «Культурное пространство тарханской усадьбы во второй половине XIX – начале XX веков (до 1917 г.), трактует новые исторические признаки данного хронотопа. После смерти людей, имевших самое непосредственное отношение или, с культурологической точки зрения, самое важное, определяющее значение для культурной истории и целного бытования Тархан как арсеньевской усадьбы лермонтовского периода, усадьба и село, совершенно независимо от сознания их насельников, начинают жить иной жизнью и приобретают иные качества, которые автор попытался выделить и классифицировать. Первое, это *факт крушения* полноценной, «лермонтовско-арсеньевской» жизни усадьбы вместе со смертью поэта. В качестве признаков отметим следующие: 1) необычайно глубокое горе его полновластной хозяйки – Е.А. Арсеньевой, которая, движимая каким-то ей ведомым внутренним инстинктом и обычаем стала раздавать вещи внука «на память» родственникам и друзьям; 2) падение смысла наследования, а, значит и утрата смысла жизни, поскольку, этим смыслом и был для чембарской помещицы ее внук; 3) потрясение Елизаветы Алексеевны оказалось настолько глубоким, что она, вряд ли рефлексивно, но, скорее всего под воздействием эмоционального импульса, обусловленного страшным событием, возропала и на самого Господа (эпизод с иконой Спаса); 4) поместье осталось без рачительного попечения и как бы потеряло основу синхронического и диахронического бытия. Таким образом, после смерти М.Ю. Лермонтова и Е.А. Арсеньевой Тарханы постепенно, но неуклонно деградируют как живое имение и культурный памятник.

Диссертант отмечает *«инволюцию»*, возникшую в усадьбе после ухода из жизни главных действующих лиц. Исторический материал дает основание выдвинуть гипотезу культурологического плана, суть которой заключается в следующем: в рассматриваемый период Тарханы неуклонно превращаются *из феномена в эпифеномен*. Конечно, это в большей степени касается помещичьей усадьбы, чем села. Но тут, в разорванном культурном пространстве хронотопа нового качества следует обратить внимание на такие реалии, как:

а) *стирание или ликвидация* границы между селом и усадьбой, особенно в годы октябрьской революции;

б) *постепенное, а иногда и скачкообразное разрушение* тонкого флера мемориализации, который едва начал вырисовываться во второй половине XIX века;

в) *превращение усадебного комплекса* из значимого и аксиологически валежного явления в «профанное» (М. Элиаде) пространство.

Эпифеноменальность, однако, не означала полной замены культурной «первосущности». Еще живы были непосредственные свидетели иной жизни усадьбы и села, их дети; еще веяли над новой советской действительностью старинные

предания, сказания или прямые, исторически-достоверные свидетельства. Все это не давало возможности окончательного угасания исторического сознания как культурной памяти. Происходит разлом данного хронотопа по линии изолированного состояния его ментальной структуры в новом историческом времени и деструкции материально-физического плана.

Дальнейшая судьба Тархан была связана, как и теперь, с утверждением значимости в менталитете нации поэтической фигуры М.Ю. Лермонтова, а в индивидуально-массовом осознании - ценности его духовного наследства, возможности и необходимости его освоения.

В целом в рассматриваемый период четко прослеживается наличие деструктивной и противоположной ей по вектору конструктивной линии развития данного хронотопа.

Во втором параграфе «Феноменология возрожденного хронотопа: многопостасность новых Тархан» раскрывается современное состояние феномена Тархан.

Автор устанавливает, что соответствует в содержательном плане понятию «феномен», обращаясь к этимологии слова. Подчеркивая его исконное значение, которое определяется в разной степени, автор рассматривает феномен Тархан в сопряжении двух значений: как редкое, исключительное явление культуры, хронотоп, связанный с гениальной личностью русского поэта. Однако культурфилософский и культурологический планы диссертации отнюдь не покрываются данными значениями. В задачу диссертанта входит и экспликация специфического феномена Тархан, который, как представляется, может быть адекватно раскрыт с опорой, в частности, на принципы феноменологии и феноменологической герменевтики (Гуссерль Э.). Рассматривая современный «мир» Тархан как своего рода культурный микрокосм, хронотоп, автор опирается на работы тех исследователей (Н.М. Инюшкина и др.), для которых различные феноменологические планы современных Тархан стали в той или иной мере предметом анализа. Главное же, специфическое видение музея-заповедника (такowymi Тарханы официально стали с 1969 года) заключена в позиции концепции провинциальной культуры как «срединной»: «Лермонтовские Тарханы, - пишет Н.М. Инюшкин, - оригинальный феномен срединной культуры, соединяющий местное, провинциальное, национальное, мировое».¹ Эти четыре измерения задают многоплановость тарханского хронотопа в линейно-темпоральных координатах, рождающих эпифеноменологические константы соответственно своему культурному адресату: провинциальный житель, местный уроженец, россиянин, представитель иной культурной парадигмы европейского или мирового масштаба.

Хронотопические атрибуты «культурного гнезда» релевантно отображает схема диалогического хронотопа (К. Гарднер), представленная как «крест реальности». Тарханы показаны как разновекторная структура пространственно-речевого типа с «овнешнением», то есть объективизацией плана внешнего пространства, создаваемого объективной речью.

Эта возможность осознания тарханского хронотопа как многопланового

¹ Инюшкин Н.М. Провинциальная культура: взгляд изнутри – Пенза, 2004. С. 379

речевого феномена (в терминах диалогической версии бытия) «овнешняется» через действие коллектива сотрудников музея, чье научное творчество в его совокупности можно обозначить как «поступок». Согласно теории М.М. Бахтина, мир диалога, его пространство, парадоксальны. Диалог возможен в трех временных пространствах: большого времени (античность, средневековые и т.д.); индивидуального, укладывающегося в жизненные сроки, отмеренные для каждого человека; как микродиалог в сознании отдельного субъекта. Данный хронотоп музея-усадьбы действительно реализует себя через диалог. Диалог, а точнее – полилог – это самая общая форма функционирования всех его структур. В качестве субъектного носителя исторического текста, как, впрочем и интертекстуальных образований, мы можем рассматривать творческий коллектив музея. Его научные сотрудники прежде всего воссоздают ментальный текст лермонтовской и, еще ранее – арсеньевской эпохи жизни усадьбы.

Следующий этап и, в этом отношении, новый вид функционирования тарханского хронотопа в его музейном облике, условно можно назвать «*поступком*». Это действительно «последнее слово», объективация, или «смерть духа» в плане одной динамики, с возможностью и необходимостью возродиться в другой (действие по претворению идеальной модели в жизнь). Следует учитывать те дополнительные фокусировки, которые выставляют на первый и убирают на последний план реалии и раритеты, должныствующие вызвать к жизни тот или иной образно-эмоциональный и рассудочно-рациональный комплекс: представление, живую картину, переживание, сострадание, сотворчество и т.п. Сам же рассказ экскурсовода звучит как ведущий текст, лейтмотив, окруженный экспозиционным «контекстом».

Проблема соотношения истории и современности решается музеем не только (и не столько) теоретически, но и *практически*. Чтобы приобщиться, стать подлинным субъектом интервременной культуры, экскурсант должен быть не только «посетителем», но и участвовать в живом процессе сотворчества. Конечно, задача огромная не только по масштабу, но и глубине, поскольку она выводит на новый уровень характеристики культурфилософских позиций через субъект-объектные и межсубъектные отношения. Одна из форм ее решения – Лермонтовские дни поэзии, которые проводятся с 1971 года. Они, в свою очередь, тоже полифункциональны, как и музейный комплекс в целом, а в интересующем автора отношении, характеристике хронотопа, эти праздники перебрасывают живой мост между прошлым и настоящим, создавая особую атмосферу духовной причастности времени ко вневременному, знаменуя победу духа над тлением и смертью, а памяти над забвением.

Автор полагает, что действительно музей сегодня играет «*селообразующую*» роль (Н.М. Инюшкин). Это выражается в стремлении администрации и всего коллектива использовать новые социальные и экономические рычаги для обеспечения бытия функционально живой территории, что, естественно, влечет за собой и преобразование села в целом.

Представленная характеристика современного тарханского хронотопа была бы неполной, если бы автор не затронул его рост и расширение посредством массмедийных каналов: это музейные телепрограммы, радиопередачи, тематические

рубрики в местной и общероссийской прессе, это и выходы на зарубежные информационные каналы специально научного и общекультурного назначения. Музейный комплекс не ограничивается сугубо внутренним существованием, но транспортирует, транслирует эту внутреннюю мемориально-литературную и историческую информацию во внешнее культурное пространство, не только локального, регионального, но и общероссийского и мирового масштаба, выходя, таким образом, на уровень функционирования, характерный для информационной структуры современного общества. Экспозиционная «продвинутость» современных Тархан засвидетельствована получением дипломов по номинациям «Душа России» и «Самая элегантная композиция» во время проведения фестиваля «Интермузей - 2000». В 2000 году музей становится лауреатом конкурса учреждений культуры «Окно в Россию». Эти факты позволяют утверждать, что «Лермонтовские Тарханы» действительно оригинальный феномен «срединной культуры», соединяющий местное, провинциальное, национальное и мировое. В этом синтезе, выражены сама форма и условия *«феноменальности»* это действительно явление, поражающее своей необычностью уже в плане сочетания исторического и современного.

Ведущая роль в формировании, трансляции, трансформации и перекодировании тарханского хронотопа принадлежит субъективному фактору, роль которого выполняет творческий коллектив музея. Этот фактор может трактоваться как «субъективно-ментальный» в структуре рассматриваемого культурного поля.

Субъективный фактор задает и формирует *три типа* пространства, совмещенных в актуальном хронотопе: а) *реальное пространство* (ландшафт, интерьер барского дома и других объектов; б) *пространство концептуальное* (экспозиции); в) *пространство перцептуальное* (воображаемое) – то, что должно возникнуть на основе первого и второго элементов в воображении экскурсантов.

Центрирующим началом *«осью культурного феномена Тархан»*, при продолжающемся развитии и усложнении хронотопических атрибутов, была и остается личность Лермонтова, его творческое наследие, осознанное и эксплицируемое как ценность культуры России и мира.

В заключении диссертации автор подчеркивает, что исследование музея-заповедника «Тарханы» в аспекте его хронотопических атрибутов и как специфической семиосферы, позволило дать определенную, целостную характеристику этого феномена культуры, эксплицировав ее в динамике исторического времени. Для того, чтобы исходные теоретические положения (хронотоп, семиосфера и т.д.) были наполнены конкретным содержанием, автор постоянно обращался к событийной, ментальной, предметной и «вещной» стороне объекта исследования.

Основные положения диссертации опубликованы в следующих работах:

1. Лермонтов и Тарханы в контексте эпохи // Проблемы АПК и пути их решения: Сб. материалов науч.-практич. конф. 25-27 марта 2003 г. – Пенза: РИО ПГСХА, 2003. – С. 24-25.

2. Русские провинциальные дворянские усадьбы как феномен культурного наследия // XXI век: Россия и запад в поисках духовности: Междунар. науч.-практич. конф. – М.: Изд-во МГОУ, 2003. – С. 269-271.

3. Русские народные песни в творчестве М.Ю. Лермонтова // Феникс – 2003: Ежегодник кафедры культурологии /Редкол.: Н И. Воронина и др. – Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2003. – С. 113-114.

4. Роль Тархан в формировании нравственного мира М.Ю. Лермонтова // Этические проблемы развития современной цивилизации: Сб. материалов Междунар. науч. конф. 20-21 января 2004 г. – Пенза: МНИЦ, 2004. – С. 135-137.

5. Историко-культурный контекст Лермонтовских Тархан // Депонир. науч. работы: ИНИОН РАН - № 58463 от 09.01.04 г. – М., 2004. – 21 с.

6. Садово-парковый ландшафт Тарханской усадьбы как текст культуры // Наука и инновации в республике Мордовия: Материалы III республ. конф. «Роль науки и инноваций в развитии хозяйственного комплекса региона» - Саранск: Изд-во Мордов. ун-та, 2004. – С. 589-590.

7. Взаимоотношения М.Ю. Лермонтова с крестьянами Тархан // Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия: Сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2004. – С. 150-154.

8. Влияние Тарханского фольклора на формирование личности и творчества М.Ю. Лермонтова //Лермонтовское наследие в самосознании XXI столетия: Сб. материалов Всерос. науч.-практич. конф., посвященной 190-летию со дня рождения М.Ю. Лермонтова. – Пенза: РИО ПГСХА, 2004. – С. 154-159.

9. Водные источники как обязательный элемент природного ландшафта тарханской усадьбы нач. XIX века. // Гуманитарные науки: в поисках нового: Сб. науч. трудов. – Вып. III. – Часть 1. – Саранск: РНИИЦ, 2004. – С. 126-128.

Лицензия ЛР ИД №01215 от 15.03.2000 г
Подписано в печать 12.05.2005
Формат 60х84 1/16 Бумага офсетная Гарнитура Times New Roman
Усл печ л 1,05 Заказ № 78. Тираж 100 экз

РИО ПГСХА
440014, г Пенза, ул Ботаническая, 30

№ 1 1 3 5 2

РНБ Русский фонд

2006-4
6827